

Илья Владимирович Колосов
26-й час. О чем не говорят на ТВ
Серия «Русская рулетка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373186
26-й час. О чем не говорят по ТВ. / И. Колосов: Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-6993-8726-7

Аннотация

Профессионализм ведущего Ильи Колосова давно оценили многие. Его программа «25-й час» на канале «ТВ Центр» имеет высокие рейтинги, а снятый им документальный фильм «Бесценный доллар», в котором рассказывается, почему доллар захватил весь мир, вызвал десятки тысяч зрительских откликов.

В своей книге И. Колосов затрагивает темы, о которых не принято говорить по телевидению. Куда делся наш Стабилизационный фонд; почему правительство беспрекословно выполняет все рекомендации Международного валютного фонда и фактически больше заботится о развитии американской экономики, чем российской; кому выгодна долларовая зависимость России и многое другое.

Читатель найдет в книге и рассказ о закулисных тайнах российского телевидения, о секретных пружинах, приводящих в движение средства массовой информации, о способах воздействия электронных СМИ на зрителей.

Содержание

Предисловие	4
«Будет так, как скажут по телевизору»[1]	6
Вопрос президенту	9
Откуда что взялось	17
Иран	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Илья Владимирович Колосов

26-й час. О чем не говорят по ТВ

Предисловие

23.45. Время вроде как мое. Пора...

Ээээ... Вот ведь чем хорош эфир: хочется тебе, не хочется, настроение плохое, температура, засыпаешь на ходу, думаешь о чем-то более важном, радуешься, плачешь (было и такое), даже пожар (и это было)!!! – ничего не имеет значения. Программа выйдет в эфир. Секунда в секунду.

А тут... То детей отвезти к тете Жене на дачу. То ремонт. То спортзал. То гости какие-то. То ТО для машины подоспело. Постоянно находятся причины не сделать то, что должен.

Динь-дилинь...

Ну вот, мама позвонила. Сказать, какой я молодец. Как хорошо все сделал. Поговорили. Отвлёкся опять. Нет, я уж напишу!

00.00. Вот теперь точно мое время. Только на протяжении уже почти десяти лет эти самые «нули» я никак не заполучу. Анекдот вообще! Казалось бы, чего понятнее: если выпуск новостей итоговый за сутки, то выходить в эфир он должен в полночь. Ну, согласен? Причем это лишь первый логический довод. Небьющийся. Настоящий. Фактический. Броня. Есть и другие, и чуть позже я о них расскажу, ты напomini только. А то, знаешь, на первой же странице повествовать о разногласиях с начальством...

Хотя нет на самом деле никаких разногласий. Каждый делает свою работу на благо телеканала, и каждый, в зависимости от положения, работает со своим зрителем. Начальству труднее, поскольку на условном маятнике влиятельности оно располагается очень высоко. Там, где амплитуда небольшая и свободы движения почти нет. Мне легче, я могу раскачиваться. Что я, собственно, и делаю аж с 2000-го года. Еще года три назад один из приглашенных гостей недоумевал: «Шесть лет?! Да в наше время! Илья, вы ведь уже написали книгу? Нет?!»

Пишу, пишу. Уже почти полчаса пишу. Пытаюсь найти, с чего бы начать...

Бывают такие ситуации, которые не предполагают чего-то среднего, аморфного, размазни какой-то. Вот в мае 2000-го я как раз в подобной и оказался. Все было предельно ясно. Или вверх, или вниз. И набираю я один телефонный номер. Что-то пытаюсь формулировать, мол, нужно дальше идти, радио все «от и до» изучил, ля-ля-ля... Но Попцов – не тот человек, чтобы слушать кого-то. Знаешь, один приятель мне объяснял, что отличает руководителя от подчиненного. То, что первый сам определяет действительность, и на вопрос, а что вы думаете о высказываниях такого-то в свете таких-то событий, отвечает: здесь будет дорога, потому что продукцию моего завода через три года нужно будет отправлять туда-то, поскольку на близлежащих рынках конкурентов уже не будет. Вот и Попцову было совершенно фиолетово, что я там лепечу. Ему нужно было создавать телеканал, и у него не было ночных новостей.

– Что ты хочешь делать?

– Ночные новости. Что-то вроде итогов дня.

– Делай.

Короткие гудки.

Это как один персонаж у Довлатова: «Я писатель, бля, типа Чехова...» Вот и я – ведущий, бля, типа Золушки. С той только разницей, что у меня в полночь все начиналось. Но

ситуация сказочная. Тишкин потом рассказывал, что на его памяти это был первый случай, когда ведущего утверждали на четвертой секунде просмотра пилотного выпуска.

«Будет так, как скажут по телевизору»¹

Посвящается моим сыновьям – Теме и Николке.

«Владимир Ильич, а у вас Дзержинский надувное бревно украл и фотографируется!» Это к вопросу о том, насколько важен пиар. Давнишний анекдот. С бородой, что называется. Но не все, похоже, его слышали. Есть люди, которым я до сих пор не сумел объяснить: БУДЕТ ТАК, КАК СКАЖУТ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ. То ли эти люди убежденные, неисправимые оптимисты, то ли я плохо умею объяснять.

Есть стадо, и есть погонщик. поголовье не понимает, что вместе – стадо сильнее. Оно слышит щелчок хлыста и идет, куда укажут. Каждый полагает, что именно к нему и относится щелчок. Кстати, недавно узнал, как пастуший хлыст воспроизводит этот громкий звук. Оказывается, движение его таково, что кончик хлыста на излете переходит скорость звука! Фантастика! Век живи, век учись, дураком помрешь... Так вот. Самый главный инструмент управления общественными процессами (движением стада) – это средства массовой информации. Хлыст пастуший. И телевидение – как его сверхзвуковой щелчок. Конечно, есть еще отношения между элитами, и они тоже требуют отдельного подхода. Но. Первое и главное. Стадо должно идти куда скажут и жевать траву. Можно мычать. Но ни разбредаться, ни тем более бодаться – нельзя. Если эти условия выполняются, то можно поговорить и о взаимоотношениях элит. То есть погонщиков. Но, как вы понимаете, умные погонщики всегда в первую очередь договорятся о том, чтобы стадо сохранить, а уж потом – кого стричь, а кого и под нож. И кому сколько с этого стада шерсти и мяса.

– Колосов, у тебя мания величия. Ты так говоришь только потому, что сам на телевидении работаешь. Думаешь, что ты все в нашей жизни определяешь.

– Эххх... Что я в своих ночных новостях могу определять?! Я, может быть, только поэтому и чирикаю все эти девять лет, что ничего не определяю. Ты посмотри прайм-тайм федеральных. Вот это развлекало, и этот пиар – и есть щелчок хлыста. Причем не мы одни такие. В любой другой стране – то же самое. Китай возьми. Там сейчас в каждом шалаше спутниковая тарелка. Но! По этой тарелке тебе позволено смотреть только то, что КПК одобрит. Сериалы, смех, музыка и правильная информация. На Мальдивах был несколько лет назад. Там аборигены могут смотреть футбол (местные команды, остров на остров), новости (тоже местные) и мусульманские молитвы. Северная Корея...

– Колосов! Вот только про Северную Корею еще не рассказал. Ты нас за китайцев держишь? Или за мальдивцев? Или за каэндеэрсцев?

– ОК. Америку возьмем. Согласен? Америка!!!! Я обожаю эту страну, говорю без иронии. Селф мэйд кантри. Но и там хлыст. И американцы – сильные, независимые, зажиточные, вооруженные – сделают в итоге так, как скажут по телевизору. Обо всем сразу рассказать невозможно, но – маленький штрих. Лозунг избирательной кампании Билла Клинтона: «Мало быть хорошим парнем. Нужно, чтобы об этом знали другие».

– А Обама? Да Обамой американцы весь мир убедили в том, что они сами принимают решения! Они – граждане своей страны, и верховная власть принадлежит им!

– Только по голове тебя погладить после этого и вручить леденец. Умничка. Хороший мальчик. Чего ж эти граждане еще 50 лет назад для афроамериканцев отдельные места в автобусе выделяли? Сзади, чтоб не дышать одним воздухом. Почему? Просто по телевизору еще не сказали, что так делать не надо. Но не будем отвлекаться. Обама, говоришь? Приходил тут как-то в «25-й час» некий известный и высокопоставленный политик. Возглавляет

¹ Цитата из фильма «Плутовство, или Хвост виляет собакой».

он ныне один из главных думских комитетов. Так вот, этот политик (а дело было аккурат после состоявшихся в Америке выборов) с интересом рассказал мне, не под камеру, конечно, историю о том, как три года назад он встречался со своим американским коллегой, и тот спросил:

– Знаешь, кто будет нашим следующим президентом?

Ну, наш, понятное дело, стал дежурно отвечать, что только американский народ это будет решать, но, интересы ради, назвал несколько вероятных фамилий. Американец радостно улыбался, поскольку все – пальцем в небо. И выдержав паузу, сказал:

– Следующим президентом оф Юнайтед Стейтс будет мистер Барак Обама.

Думец начал припоминать, кто такой. Уж не тот ли парень, который недавно вместе Лугаром у нас был, в Москве и в Перми? Но он же...

– Йес! Он чернокожий! – обрадовался американец. – Мы запустили проект «Обама». И у нас есть три года на то, чтобы этот человек был избран.

Вот тут мне нужны буквы, которые вызвали бы в твоём мозгу ассоциации со звуками, которые воспроизводит баран. Мээ... Или бээ... Или просто эээ... Не знаю. Короче, стадо пасется. Вблизи и поодаль бараны воспроизводят те звуки, которые воспроизводят. И чабан рядом с хлыстом. Вот тебе и модель функционирования телевидения в обществе.

Был тут на радио. Пригласили принять участие в программе, посвященной телевидению. В студии, кроме меня, еще двое. Ведущий – уважаемый мною телеобозреватель одной из газет. И еще один собеседник – опытейший телевизионщик с пятидесятилетним стажем, один из двенадцати первых наших телеакадемиков. Короче, авторитет. Я в роли действующего более-менее известного экранного персонажа. Тема: относимся ли мы к нашему телевидению скорее положительно или скорее отрицательно? Не самая интересная тема, надо сказать, а если честно – то просто потеря времени, но эфир есть эфир, и в воскресенье его тоже надо чем-то заполнять. Сидим. Заполняем. Но послушай, каково же было мое удивление, когда умудренный опытом, мастодонт, собаку съевший на ТВ академик ТЭФИ, вдруг начал говорить, что ему наше телевидение скорее не нравится. Ну, нравится, не нравится – это субъективная категория, тут, как говорится, кому что. Но собеседник ведь стал пояснять, что ТВ не выполняет главную свою функцию – просвещения и воспитания. Что оно превращает людей в глупых, необразованных идиотов, которые делают то, что скажут. Что телевизионные руководители должны принять решение и изменить эту пагубную концепцию. И при этом, что меня особенно развеселило, было отмечено, что нам всем очень повезло с действующим ныне в нашей стране правительством.

Понятное дело, я сидел и уговаривал себя не ляпнуть что-нибудь. Лучше бы вообще ничего не говорить сейчас. Но раз уж пришел, то придется. Пришлось сказать, что наше ТВ мне очень нравится, что в сравнении с вещанием в любой другой стране мы как минимум не проигрываем, а уж что касается исполнения главной функции телевидения – так вообще впереди планеты всей. Причем говорю это на полном серьезе, чем немедленно вызываю вопрос ведущего: а в чем же она, эта главная функция? Конечно, управление общественными процессами. Наше телевидение настолько в этом преуспело, настолько оно овладело предметом, настолько виртуозно главные участники процесса исполняют свои партии, что иногда даже получается искусство. Аудитория замирает у телеэкранов, внимает действительно шедеврам вроде «В круге первом» или московского Евровидения – и после этого... становится еще более управляемой! Высший класс!!!

Вот тут бы, маэстро, опять те звуки, которые бараны воспроизводят. Да. Спасибо.

– А вы говорите, что отношение скорее отрицательное. Что телевидение должно формировать Человека с большой буквы, просвещенного, культурного, *способного принимать решения*. Послушайте, какой же власти нужен такой Человек? Какие еще решения? Решения принимает тот, кто управляет. Ну представьте себя на месте руководителя страны. Разве нужен вам электорат, решения которого вам неизвестны и неподвластны? Нужен вам неуправляемый электорат?

– Ну, если я управляю, скажем, автомобилем, то я никогда не передам руль сидящему рядом пассажиру...

– Вот и ответ.

– Илья, а зачем вы тогда свои фильмы снимаете? Это же просвещение чистой воды. Это же явная попытка замены бараньей головы аудитории на человеческую.

– Ответ для меня очень простой. Я делаю то, что мне хочется. Или так: делаю то, что мне нравится. Но я не ставлю перед собой цель изменить людей, пришить им новую голову. Они мало изменились за последние пару тысяч лет. Вряд ли перемены наступят за меньший срок. Но это не значит, что я должен находиться в замороженном состоянии. Ну скажите, зачем продюсеры телеканала «Россия» создали и показали того же «Идиота»? Им в кайф. Они достигают вершин в своем деле. Они создают что-то, за что не стыдно. Это называется самореализация. Ключевое, в общем-то, слово для того, кто чем-нибудь занят. Вот и я самореализуюсь. И каждую ночь в «25-м часе», и иногда в документальных фильмах. И я искренне благодарен тем людям, которые не лишают меня этой возможности, даже соглашаясь на известный риск.

Вопрос президенту

А риск для руководства, конечно, есть. Это стало понятно после самой, пожалуй, страшной трагедии современной России – Беслана и после искреннего недоумения в «25-м часе»: где мой президент?! Об этом случае я обязательно расскажу, но чуть позже. Ну и, конечно, высокая степень риска обозначилась после вопроса президенту на его ежегодной пресс-конференции 3 января 2006-го. На этом вопросе стоит, наверно, остановиться подробнее, поскольку событие оказалось знаковым. С далеко идущими, как говорится.

Итак, конец января 2006 года. Кремль. Круглый зал. На исходе второй час общения В.В.Путина с журналистами. Пресс-секретарь объявляет, что следующий вопрос – от ТВ-Центра. Микрофон берет мужчина в строгом костюме и говорит буквально следующее:

«Илья Колосов, телекомпания ТВ-Центр. Владимир Владимирович, вы в своих выступлениях не раз говорили о том, что страна нуждается в инвестициях, что совершенно естественно: для развития нужны деньги. Неестественно, мне кажется, иное: заявления членов правительства, его финансово-экономического блока, сводятся к тому, что деньги в стране в данный момент способны породить лишь инфляцию. Они утверждают, что деньги лучше размещать в ценных бумагах и валютах зарубежных стран.

Чем вы можете объяснить это противоречие: президент говорит о том, что стране деньги необходимы, – финансово-экономический блок говорит о том, что деньги стране мешают. И вообще я, честно говоря, впервые встречаюсь с финансистами, которым мешают деньги. Спасибо».

Чуть позже, комментируя этот фрагмент пресс-конференции, наблюдатели отмечали, что по мере того, как этот мужчина в строгом костюме формулировал свой вопрос, выражение лица президента менялось, и к его завершению приняло вид довольно раздраженный и даже агрессивный. Не могу это наблюдение ни подтвердить, ни опровергнуть, во-первых, в силу его крайней субъективности, а во-вторых, просто потому, что телеверсию этой пресс-конференции я так ни разу и не увидел. Как бы то ни было, ответ от президента последовал и был он таким:

«Это говорит о том, что вы невнимательно следите за тем, что происходит в мировых финансах и в мировой экономике»...

Тут я президента прерву. Потому что в отличие от пресс-конференции, на которой у меня не было возможности отреагировать на очевидную некорректность в мой адрес, в книжке такая возможность есть. Итак. Я более чем внимательно слежу за тем, что происходит в мировых финансах и мировой экономике. И не думаю, что это нужно кому-то доказывать. Нет ни одной общенациональной программы на нашем ТВ, которая бы столько внимания уделяла экономике и финансам, как «25-й час». Это первое. Второе. К тому времени, т. е. к февралю 2006-го, уже год выходила в эфир еженедельная программа прогнозов «Завтра, послезавтра и все дни недели», которую я имел честь вести и которая также многие выпуски посвящала экономическим и финансовым прогнозам. Кстати говоря, прожила программа после этого вопроса на пресс-конференции недолго. В марте ее закрыли. Но, справедливости ради, я должен заметить, что факт закрытия вряд ли связан с этой историей. Скорее, речь нужно вести о подготовленном ранее программном решении, которое можно объяснить приходом на ТВ-Центр новой команды под руководством Александра Сергеевича Пономарева. У него, разумеется, было свое видение сетки канала, в которой, по его мнению, не было

места для еженедельной программы прогнозов. Ну и, наконец, третье. Психологи говорят, что самый простой способ возвыситься в противостоянии – это унижить соперника. И если в первой же фразе собеседник пытается обвинить своего визави в некомпетентности – то что это, как не свидетельство обескураженности?

Но продолжим внимательное изучение ответа президента.

«...Если вы посмотрите на опыт Голландии определенного времени, совсем недавно, то вы вспомните про так называемую голландскую болезнь, когда нефтедоллары захлестнули экономику. И мировая экономика выработала соответствующее противоядие против подобного неблагоприятного – несмотря на внешне благоприятные конъюнктурные условия, для себя тем не менее неблагоприятного – развития событий.

Что происходит, специалисты знают. Я позволю себе очень коротко об этом сказать. В нашу экономику из-за больших цен на нефть – а сейчас это свыше 60 долларов за баррель, вы знаете, в прошлом году средневзвешенная цена на «юралс» была 5 доллар, за январь это уже 58–60 – при большом поступлении нефтедолларов Центральный банк вынужден изымать эти доллары и эмитировать рубли. Увеличение денежной массы в экономике ведет к повышению инфляции. Для того чтобы бороться с инфляцией, Центральный банк увеличивает номинальный курс национальной валюты, что ведет к увеличению реального эффективного курса и к увеличению потока импортных товаров в Российскую Федерацию. В прошлом году он вырос на 28 процентов, что подавляет развитие собственного сектора перерабатывающей промышленности».

Ну, тут, честно говоря, что ни предложение – то повод для отдельного комментария, с которым, повторяю, я не мог выступить в ходе пресс-конференции. Поэтому прокомментирую сейчас и постараюсь не злоупотреблять вниманием читателя. Но для начала один совет: как только высокие начальники начинают вам что-то объяснять, используя в качестве доводов множество самых разных цифр, знайте, что вас хотят ввести в заблуждение. Переспрашивайте, уточняйте и не давайте начальнику соскочить с вопроса на цифры. Они нужны только тогда, когда вы сами попросите их привести.

Ну а теперь о «голландской болезни», о которой упомянул президент. Причем упомянул он о ней как о чем-то общеизвестном, понятном и младенцу и – внимание! – имеющем непосредственное отношение к России. Но не следует быть столь доверчивым. Давайте разбираться.

О «голландской болезни» и в самом деле слышали многие. Даже те, кто ничего общего с экономикой и финансами не имеет. Но дальше слухов дело у большинства наших сограждан не идет: ну голландская и голландская. А что это за болезнь и чем от насморка отличается – неизвестно. Поэтому поясним.

«Голландской болезнью» называют негативный эффект, который оказывает на экономику укрепление реального курса национальной валюты из-за резкого увеличения сырьевого экспорта. Сам термин «голландская болезнь» (этот процесс еще называют эффектом Гронингена) возник в конце 950-х – начале 960-х годов, когда в принадлежащей Нидерландам части Северного моря были открыты месторождения природного газа. И пошло у голландцев «развитие». В добычу сырья они стали вкладывать огромные деньги, и поскольку природный газ не требует высокотехнологической обработки – выкачал и продал, – вложенные средства быстро возвращались прибылью. Прелесть что такое! Если бы не одно «но». Вырученная за газ иностранная валюта оказывалась на биржах, что повышало курс валюты национальной. Понятно, да? Иностранной валюты становится больше, национальной – прежнее количество, и по закону спроса и предложения становится дороже то, чего меньше. В принципе никакой нормальный голландец не стал бы возражать против того,

чтобы деньги в его кошельке весили больше. То есть, условно, чтобы на один гульден можно было купить больше товара (это и есть укрепление национальной валюты). Однако голландцы многие свои товары – не только газ, заметьте! – продавали за рубеж. И что же получается? Произвели они товар за дорогой гульден, а продать придется за более дешевую марку или франк? Нужно тогда больше этих марок-франков запросить. А кто же тебе больше заплатит? Вот и стали погибать перерабатывающие экспортно ориентированные голландские отрасли экономики.

Что ж там в итоге получилось? Выживать стали сырьевики. А все, кто что-то производит с большей, чем у сырья, степенью передела продукции, – стали закрываться. Впору стало говорить о *деиндустриализации* страны. Так вот, значит, что такое «голландская болезнь». А вовсе не инфляция, как говорил наш президент. Но ведь почему-то он про инфляцию заговорил. Ах вот почему! «...При большом поступлении нефтедолларов Центральный банк вынужден изымать эти доллары и эмитировать рубли. Увеличение денежной массы в экономике ведет к повышению инфляции». Ага. Теперь ясно. Но почему ЦБ *вынужден изымать доллары* у сырьевиков, эмитируя под это рубли? Оказывается, придумали такой закон, чтобы экспортеры значительную часть своей валютной выручки обязательно продавали государству. Чушь несусветная – обязывать государство приобретать валюту другого государства! То есть поддерживать своих прямых конкурентов! Но минуточку! И это еще не все. Что такое эмитирование рублей? Это когда Центробанк печатает новые денежные знаки. А это что такое? Это понижение покупательной способности тех денежных знаков – рублей, которые есть на руках у населения. Причем без разрешения этого самого населения. Иначе говоря, если у меня есть 100 рублей, а ЦБ решил напечатать еще десять, то, как только он эти новые десять запускает в экономику, покупательная способность моих 100 падает на 10 процентов! Ничего себе дела. И кому ж нужен такой праздник? Ответ: только тем, у кого есть иностранная валюта. Только они не попадают в этот капкан. Поэтому именно те, кто за свою продукцию получает в долларах или евро, и есть самые заинтересованные в инфляции россияне. Но об этом чуть позже и значительно подробнее.

А сейчас давайте выясним, имеет ли «голландская болезнь» отношение к России. Да, мы в самом деле имеем приток иностранной валюты, поступающей к нам из-за рубежа в качестве оплаты за экспорт сырья (о том, какого черта мы продаем свое сырье за иностранные деньги, а не за рубли, и о том, какого черта мы вообще продаем сырье, а не готовую продукцию, мы тоже еще поговорим). Но на этом сходства с Голландией заканчиваются. Главное, о чем не сказал президент и на чем настаивает один из тех, кто учил меня азам финансов, – Андрей Годзинский, это то, что «голландская болезнь» – болезнь сытой экономики. Иначе говоря, если у вас в стране есть все, в чем вы нуждаетесь, – вот тогда излишки иностранной валюты могут негативно повлиять на экономику. Если каждый гражданин вашей страны сыт, одет, образован, имеет достойную зарплату или пенсию, если он пользуется лучшим в мире медицинским обслуживанием, если он ездит на отличном автомобиле по разветвленной сети дорог, если он имеет возможность хотя бы раз в год слетать из Калининграда к родственникам во Владивосток, если круглый год к его услугам лучшие в мире отечественные курорты, если ему не нужно беспокоиться о безопасности его детей, которые, само собой, получают лучшее в мире образование с использованием лучшей в мире материальной базы, и которые после окончания вуза будут трудоустроены в отечественные, лучшие в мире, высокотехнологичные компании – и т. д., и т. д., и т. д. – вот тогда можно будет вести речь об опасности «голландской болезни». До тех же пор, пока этого нет, все уровни власти в стране, и в первую очередь власть экономическая и финансовая, обязаны использовать любую возможность для обеспечения того набора благ, который только что был перечислен и которым, вне всякого сомнения, *в равной степени* имеют право пользоваться все граждане России, а не только те, кто имеет отношение к осуществлению валют-

ных сделок по продаже нашего сырья за рубеж (прошу прощения у читателя за столь длинное предложение). Что власти должны для этого делать? Очень просто: работать. Покупать за валюту (если уж мы так настойчивы в своей глупости и по-прежнему продаем сырье за доллары или евро) необходимое оборудование, с помощью которого страна будет закрывать дыры в образовании и медицинском обслуживании, покупать комбайны, чтобы крестьяне стали возвращать к жизни заброшенные поля, покупать лучшие станки для наших заводов и фабрик, которые за время ельцинского кошмара мы практически перестали выпускать сами, покупать дорожную и строительную технику, чтобы связать наконец европейскую и восточную части страны, и, разумеется, покупать лучшие в мире умы, которые сейчас трудятся в Силиконовой долине, чтобы с помощью этих умов превратить нашу страну в интеллектуальный центр. Почему столь очевидные даже для журналиста вещи не приходят в голову нашим властям? Не кажется ли это вам по меньшей мере странным?

И, кстати говоря, болезнью своего имени Голландия болела недолго. Уже к концу 60-х годов там была полностью восстановлена прежняя структура экспорта, в которой сырья было меньше, чем товаров и услуг.

Но вернемся к нашей пресс-конференции.

В.В. Путин:

«...Все это объективные процессы, которые нужно иметь в виду, когда вы слышите заявление финансово-экономического блока. Если бы не было Стабилизационного фонда, то, думаю, Центральному банку не удалось бы выйти и на тот параметр инфляции, который мы сегодня имеем по прошлому году, – 10,9 процента; она была бы больше. Но это один из главных, ключевых моментов нашего развития – удержание инфляции. Мы все говорим о развитии малого бизнеса, говорим о том, что у нас слишком высокие ставки рефинансирования в банках, по кредитам высокие ставки. Да, сейчас это 2–3 процентов, а в начале прошлого года было, по-моему, 5. Но пока инфляция не будет у нас такая, как мы хотим, – три, пять или шесть процентов, – до тех пор и высокие ставки в банках будут, до тех пор граждане не смогут воспользоваться, и государство эффективно не сможет проводить ипотечную систему кредитования строительства жилья, бизнес не сможет получать длинные дешевые деньги – по шесть, по семь процентов. Это сложная комплексная задача, подходить к ней нужно очень ответственно. До сих пор правительству это удавалось».

Мда. С чего ж начать? Как это ни прискорбно – со Стабилизационного фонда. Вообще поговаривают, что когда руководство ТВ-Центра слышит в «25-м часе» это словосочетание, то немедленно появляется желание Колосова уволить. Но поскольку эфир в ночи и до утра еще часов девять, то Колосову пока везет. Это все шутки, конечно. Но Стабилизационный фонд и в самом деле сильнейший раздражитель для всех нормальных людей.

– Что это вообще такое? – спросите вы.

Это памятник Кудрину. Огромный, бестолковый, безвкусный. Величие его понятно только тем, кто эмитирует доллары, евро и фунты стерлингов – то есть то, из чего, собственно, Стабилизационный фонд и состоит. Никакого экономического и финансового смысла для России в этом накоплении чужих валют нет. Тут, конечно, найдутся специалисты, которые немедленно приведут в пример другие страны, такие, как Япония или Китай, также имеющие большие запасы валют других государств. Но эти страны, во-первых, производят *товары*, а не сырье. А во-вторых, у них есть валютные риски. То есть они продают и покупают товары в разных валютах. Что, у Америки большие резервы валют других стран? Или может там полные идиоты сидят и не страхуют свои риски? Да нет же. Просто торгуют они только в долларах, и никаких валютных рисков нет. Зачем же деньги держать без движения? Что же касается России, то назовите мне хотя бы несколько действительно значимых

позиций, по которым Россия торгует с иностранными государствами в рублях. Их нет! Тогда о каких валютных рисках мы говорим? И тогда зачем нам эта многомиллиардная валютная могила? Отвечу. Нам она не нужна. Стабфонд на своем пике превышал сумму в полтриллиона долларов. Все эти доллары были куплены Центробанком у сырьевиков, и для этого были напечатаны новые, ничем не обеспеченные рубли. Это значит, что мы с вами, граждане РФ, получающие зарплату в рублях, обеднели ровно на эту сумму. То есть покупательная способность рубля стала меньше пропорционально половине триллиона долларов. Вот вам и одна из причин инфляции. Именно здесь надо искать ответ на вопрос, почему же наши власти на протяжении уже 8 лет не могут с ней справиться. Об этом я попытался рассказать в фильме «Бе\$ценный доллар», и, наверное, нет смысла сейчас делать это снова. Либо посмотрите фильм, либо перечитайте его сценарий, который в этой книжке тоже есть, причем с дополнительными комментариями.

Теперь несколько слов надо сказать и о другом доводе в пользу пресловутого Стабилизационного фонда, который приводят его создатели и сторонники. Этот довод также чуть ли ни ежедневно вбивается в головы сограждан при помощи телевидения. Уже даже и Стабфонда вроде как нет: поделили его на Фонд будущих поколений и Фонд развития. Однако доводы все те же, потому что суть махинации не изменилась. Назови как угодно – деньги все равно за рубежом, а не в нашей стране. Так вот. Довод следующий. Правительство, мол, думает на несколько ходов вперед и заранее предусмотрело наступление тяжелого времени, когда нам всем очень понадобятся спрятанные на черный день денежки. Отвечаю. Полная и безнадежная чушь. По нескольким причинам. Ну, во-первых. Подумайте сами: ведь наши власти прячут на черный день не рубли, а доллары и евро. Доллары и евро наши власти сами не печатают. А значит, они их покупают за рубли. Где взять рубли? Напечатать, конечно. Причем, как мы уже выяснили, без спроса у граждан страны и, что самое главное, за их же счет. Наши финансовые власти напечатали под покупку иностранной валюты уже столько рублей, что залезли не только в наш с вами карман, обесценивая наши сбережения, но даже в карман к нашим детям. А теперь ответьте мне: зачем было печатать рубли сейчас, вгоняя нас в инфляцию, если можно было их напечатать в те самые «черные дни» для затыкания бюджетных дыр? Тогда я бы понял 3-процентную инфляцию, которая являлась бы следствием скверной экономической ситуации. Но почему я должен соглашаться с такого уровня инфляцией и в более чем благоприятные времена, когда нефть стоила более 40 долларов за баррель, и в кризис, когда она упала до 40 долларов? Где логика?

Наученные специалистами МВФ экономисты мне ответят: нам было необходимо скупать доллары, поскольку в противном случае курс рубля вырос бы, что отрицательно могло повлиять на отечественных производителей. Они, мол, не смогли бы продать свою продукцию, поскольку импортная в этой ситуации становится дешевле. Опять чушь. Похоже, людям в Минфине и ЦБ известен только один способ регулирования экономики – курс рубля к иностранным валютам. Только этот инструмент они регулярно используют для того, чтобы якобы помочь нашему производителю. Правда, что с этим производителем произойдет уже через год – их мало беспокоит. Не больше, чем благосостояние нашего потребителя, для которого цены становятся тем страшнее, чем выше курс доллара. Во второй части «Бе\$ценного доллара» мы с коллегами сделали попытку доходчиво объяснить порочность использования инструмента валютного курса для регулирования экономики. И в отдельной главе, которая будет посвящена работам Гиви Кипиани, я подробнее об этом расскажу. Но сейчас буквально в двух словах: завышенный курс доллара создает лишь временное улучшение для производителя. В дальнейшем же ему приходится закупать сырье по мировым ценам, что немедленно сказывается на цене и на реализации товара. Итог, как правило, один: наш производитель разоряется.

– Но как же тогда защитить нашего производителя? – возмущенно спросит либеральный экономист.

– Послушайте, уважаемый! Это самый сложный механизм со множеством регулировок, управление которым требует высочайшей квалификации. Нельзя бухгалтера сажать на управление экономикой. Ничего, кроме катастрофы, это не обещает. Как говорил в одной из реприз Жванецкий, «если в растворе нет цемента, то дом сложится внутрь, как домино, вместе с комиссией с отличными оценками за качество строительства. Но дом стоял. Почти неделю...»

Минфин и ЦБ продолжают скупать доллары. Они продолжают переправлять за рубеж наш цемент, оставляя в растворе только песок. Если они не будут этого делать – Федеральная резервная система Соединенных Штатов Америки начнет загибаться. Мы платим за то, чтобы наши финансовые власти поддерживали доллар.

Теперь второе. Подушка безопасности на случай чрезвычайной ситуации. Бог мой, какая глупость! Это вообще еще вопрос – насколько реален так называемый Стабилизационный фонд. Но если допустить, что он реален настолько, насколько представляют нам его финансовые власти, и попытаться разобраться, какой смысл в спрятанных за рубежом миллиардах, то сравнивать нужно явно не с подушкой безопасности. Максимум – с соломкой, которую Минфин и ЦБ якобы подложили, чтобы падать не больно было. Но хотелось бы спросить: почему мы вообще соглашаемся выделять такие средства на мифическую соломку? Почему мы садимся к водителю, с которым страховка стоит полтриллиона долларов?! Он, этот водитель, водить-то вообще умеет? Опять приведу в пример США: нет у них никаких стабфондов. В современной экономике и современных финансах нужно уметь *управлять* процессами. На каждый поворот соломки не напасешься. Дороги нынче длинные, поскольку экономика глобальная. Да и скорость движения такова, что без виртуозного управления твою машину вынесет на обочину на первом же повороте. Уместно даже сравнить это движение не с автомобилем уже, а с самолетом. Кто-то из вас возлагает большие надежды на спасательный жилет, который под сиденьем и который перед каждым полетом рекламируют стюардессы? Кудрин их для вас аж на пятьсот миллиардов положил. Только вот авиационные приборы он, похоже, впервые в своей жизни видит. А ведь самолетом управляет он!

Но дослушаем президента, отвечающего на вопрос, где деньги.

«...Кстати говоря, не только в ценных иностранных бумагах могут быть размещены средства Стабилизационного фонда. Я обращаю ваше внимание на то, что приоритетные национальные программы появились в результате того, что правительство изменило уровень «цены отсечения», как вы знаете, до 27 долларов и поступления в бюджет увеличились. Это сознательный – по оценкам некоторых экспертов, достаточно опасный с точки зрения возможности соблюдения макроэкономических параметров, – но все-таки, на мой взгляд, обоснованный шаг, потому что граждане России должны почувствовать положительные результаты макроэкономической политики правительства, должны почувствовать. И мы должны вселить уверенность в наших людей в том, что правительство проводит правильную политику, чтобы повысить поддержку со стороны населения курсу, проводимому правительством по развитию страны. Думаю, что действия тем не менее являются обоснованными и достаточно взвешенными, поскольку предложенные параметры бюджета и развития экономики не нарушают макроэкономические показатели».

Тут, собственно, спустя три года и комментировать нечего. Все граждане России, ну кроме тех, конечно, кто имеет отношение к торговле сырьем, и тех, кто обеспечивает финансовое прохождение подобных сделок, в 2009 году смогли сполна прочувствовать «положительные результаты макроэкономической политики правительства». Более того, поддержка

«правильной политики правительства» со стороны населения из года в год повышается. Это правда. Пастуший хлыст работает как надо. А что до приоритетных национальных программ, то на тот момент, когда глава государства приводил их в качестве положительного примера, они составляли – внимание! – 10,7 процента ВВП страны. Скажите, можно ли считать приоритетными статьи расходов, на которые лично вы, как глава семьи, готовы потратить менее процента от общего семейного дохода?

После того как президент завершил свой ответ, было объявлено, что трансляция пресс-конференции по телевизионным каналам прекращается, но по радио прямой эфир будет продолжен. Это заявление опять-таки было позже прокомментировано отдельными наблюдателями как имеющее какое-то значение, и вызвано оно якобы было этим самым вопросом. Но я должен внести ясность: еще в самом начале мероприятия было сказано, что федеральные телеканалы планируют транслировать лишь его первые два часа. За это время, надо полагать, уже всем корреспондентам этих федеральных каналов передадут микрофон, и глава государства, ответив на вопрос, предоставит возможность шеф-редактору новостей весь день гонять в эфире фразу «в частности, на вопрос корреспондента *нашего* канала, президент ответил...». Так вот. Еще раз. Вопрос о деньгах никак не повлиял на ход трансляции. Да, собственно, он почти ни на что никак не повлиял. Кроме, может быть, дальнейшей истории того, кто этот вопрос задал.

Пресс-конференция продолжалась еще чуть ли не два часа, журналисты продолжали задавать вопросы-пирожные, а президент, к удовольствию своему и аудитории, их поглощал.

Однако совершенно иные процессы проходили в это время в здании телекомпании ТВ-Центр. Руководство резонно интересовалось: а кто вообще Колосова туда пустил? И кто дал ему право задать такой вопрос от имени телекомпании? И, черт возьми, почему микрофон попал в руки именно к нему, если рядом сидел надежный, получивший инструкции человек с согласованными вопросами? Но в тот момент ответа на эти вопросы получено не было, поскольку человек, который мог бы все объяснить, сидел в Кремле, а устройства мобильной связи были сданы при входе.

Не знаю, нужны ли сейчас кому-то все эти объяснения – ведь прошло больше трех лет, – но для очистки совести коротко расскажу. Итак.

Кто меня туда пустил? Да, собственно, я сам захотел присутствовать на подобном мероприятии и попросил аккредитовать меня, как обозревателя телекомпании. Ничего удивительного и ничего достойного отдельного объяснения тут нет. Бывать на подобных пресс-конференциях – часть моей работы.

1. Кто дал мне право задать подобный вопрос от имени телекомпании? Никто. И вина в том, что вопрос такой я все-таки задал, исключительно моя. Никто из руководителей не имеет к этому инциденту никакого отношения. Но, даже полностью отдавая себе отчет в том, каковы могут быть последствия этого шага, я все же не мог этот вопрос не задать. К тому моменту в мою голову было вложено уже столько информации, касающейся финансовой политики нашего государства, что никаких сомнений в правильности и актуальности такого вопроса у меня не было.

2. Почему, когда возможность задать вопрос была предоставлена ТВ-Центру, микрофон оказался не у надежного корреспондента, а у сомневающегося обозревателя? Ответ прост. Обслуживающие пресс-конференцию юноши и девушки ходят между рядами сидений и вручают микрофон тому, на кого укажет пресс-секретарь президента. В тот момент, когда он указал на табличку ТВ-Центра, два микрофона были равно удалены от группы нашей телекомпании. Проворнее оказалась та девушка (или тот юноша, я уж и не помню), который был ближе ко мне. Только и всего.

Мне понятно, что сейчас эти объяснения мало кому нужны. Но поверьте, в тот день, в январе 2006-го, их тоже никто из руководства слушать бы не стал. Подобная информация с уровня, на котором нахожусь я, для уровня, на котором находятся они, есть, как говорит мой добрый знакомый Самир Шахбаз, эпсолютли юзлесс пис оф инфомейшен. Бесполезная информация, выслушивать которую – пустая трата времени. И если бы я попался в тот день на глаза руководству, думаю, вопрос с моим увольнением был бы решен быстро. Но я сей участи миновал. И не только, надо сказать, благодаря тому, что избежал контакта. Об этом позже.

* * *

Не сомневаюсь в том, что необходимо перевести на понятный нормальному человеку язык то, что было сказано на той пресс-конференции. Мне, честно говоря, иногда бывает тошно от нашей привычки формулировать свои мысли таким образом, что, с одной стороны, ты вроде и говоришь о чем-то важном, а с другой – вроде ничего такого и не имеешь в виду.

Я на самом-то деле спрашивал президента об очень важном. Я спрашивал его о том, почему наши деньги вывезены в Америку и в Европу. Я спрашивал о том, почему наши деньги работают в других странах, а не в моей. Почему они обогащают граждан других государств, а не моего. И ответ я получил, если сбросить всю эту политическую шелуху, тоже довольно ясный: наши деньги как вывозились из страны, так будут вывозиться и впредь. Да, этот жесткий и откровенный ответ был запрятан в шаблоны экономических рекомендаций Международного валютного фонда, и Путин, надо отдать ему должное, без запинки их пересказал, но суть проста: в России мы ничего строить не будем. По крайней мере пока.

Любой, кто имеет хоть какое-то представление о значении финансовой системы, прекрасно понимает: деньги для экономики государства – это как кровь для живого организма. И любая попытка вывести деньги из нуждающейся страны – это попытка ослабить страну. Вероятно, поэтому после той пресс-конференции ко мне еще в течение нескольких месяцев на разных конференциях и круглых столах подходили весьма уважаемые люди и благодарили за заданный вопрос. Должен сказать, что это приятно, когда академики-экономисты, или успешные бизнесмены, или известные политики жмут тебе руку и говорят: Илья, ваш вопрос был главным, и теперь мы поняли, что президент не просто в курсе того, что происходит, но и сам управляет этими процессами.

Откуда что взялось

Почему и как вообще возникла вся эта история с вопросом на пресс-конференции? Попробую рассказать. К тому моменту, то есть к январю 2006 года, я сидел в телевизоре уже почти шесть лет. До этого несколько лет работал на радио. И так или иначе в тех программах, которые я делал, в тех комментариях, которые пытался написать, в тех вопросах, которые задавал интервьюируемым мною людям, всюду проявляло себя известное недоумение: ну доколе же?! Ну почему у нас, сколько мы ни бьемся, ничего путного не получается?! Судя по объяснениям руководителей государства, все вроде делаем правильно. Однако больному все хуже и хуже. Производство умирает, страна превращается в сырьевой придаток развитых государств, население нищает, социальный разрыв между бедными и богатыми превращается в пропасть, и, что самое тревожное, нет никаких предпосылок к тому, что наше нынешнее плачевное состояние в ближайшее время улучшится. Да что там в ближайшее – даже в обозримой перспективе с такими тенденциями улучшений не жди. Вот все эти «смутные сомнения», которые терзали мое воспаленное происходящей несправедливостью сознание, вероятно, и выливались в радио, а затем и в телевизионный эфир. Полагаю так, поскольку иначе не могу объяснить тот факт, что время от времени на меня выходили разные люди с примерно одним и тем же предложением: нам нужно встретиться. И на мой законный вопрос «зачем?» каждый из них отвечал: «У меня есть информация, которая может оказаться полезной для вас».

Вообще-то на телевидение в девяти случаях из десяти пишут или звонят люди неадекватные. Ну в самом деле, кто из серьезных, востребованных и успешных людей будет тратить время на письма или звонки совершенно незнакомому (пусть и примелькавшемуся) человеку? Но как это ни странно, ко мне почти всегда обращались не просто нормальные и успешные, а умнейшие и всего достигшие в этой жизни люди. И тратить свое, в прямом смысле слова драгоценное, время на поиск контактов со мной их заставляло то, что сегодня многими уже совершенно забыто. Я говорю о таких понятиях, как совесть, ответственность за себя, своих детей и свою страну. Эти люди дарили мне возможность узнавать о происходящем то, что знают совсем немногие. И без них я, скорее всего, так и остался бы в рамках обывательских познаний, что, впрочем, не мешало бы мне так же, как это делают многие другие журналисты, вести разговоры на финансово-экономические темы с «правильными» экономистами, согласно кивать головой и убеждать народонаселение в том, что все, что ни делается, – к лучшему. Обо всех людях, которые пытались объяснить мне суть происходящих в экономике и финансах процессов, я рассказать не смогу, да и нет такой необходимости, я думаю. Но о самых ярких, самых эмоциональных и потому интересных я обязательно расскажу.

Гиви Григорьевич Кипиани был одним из первых ученых, взявшихся за мое «экономическое» образование. Судьба этого человека уникальна. Вероятно, его с полным правом можно считать первым в мире политэкономическим заключенным. За свои знания и нежелание идти на сделку с интеллектуальными противниками Гиви Григорьевич два года провел за решеткой. Повторяю: его посадили в тюрьму. И было это не когда-нибудь, а в 2006 году. Я никогда не смогу доказать, что причиной ареста были именно его научные труды. Да и сам Кипиани, несмотря на свою педантичность и фантастическое упорство, вряд ли сможет это сделать. Само собой, формальным поводом стало совсем другое обвинение. Однако математически точные расследования деятельности Минфина и Центрального банка России, которые Г. Кипиани подготовил за несколько лет, более чем бесспорно объясняют связь между искусственно создаваемым валютным курсом и уничтожением реального сектора

страны. Наше первое общение проходило в каком-то ресторане в Замоскворечье, и нужно было видеть лица официантов где-нибудь минуте на тридцатой монолога Гиви Григорьевича. Он, объясняя мне то, что творят наши финансовые руководители, сам еще и еще раз переживал этот ужас и входил в состояние праведного гнева. Он говорил громко, экспрессивно. Настолько, что служащие заведения начинали сторониться нашего стола и предпочитали прятаться за стойкой бара или за дверями на кухню – и уже оттуда как замороженные наблюдали за оратором и прислушивались к его словам. Стейк, который ему принесли, оставался лежать на тарелке нетронутым, потому что... ну не до стейка же! Воды глотнуть некогда!

В отдельной главе я, естественно, с согласия Гиви Григорьевича, постараюсь понятным языком пересказать тот довольно сложный материал, который в свое время великодушно был мне разъяснен.

Еще одно потрясающее знакомство – с Андреем Михайловичем Годзинским. Предыстория примерно та же: звонок, обещание интересной информации, встреча. Но об этой встрече хотелось бы рассказать чуть подробнее.

Если не ошибаюсь, это был декабрь 2005-го. Поначалу договорились пересечься в каком-то ресторане, но Андрей Михалыч, сославшись на неудобство обсуждения подобных тем в публичном месте, перенес randevu к себе в офис. Я не возражал.

Московские улицы в декабре, как правило, представляют собой угнетающее зрелище: туманная взвесь сырых отработанных автомобильных выхлопов в воздухе и снежно-грязевая каша под ногами. У меня и без того с нашим городом сложные отношения, а в такие периоды – просто катастрофа. Короче говоря, настроение было не очень, и во избежание потери уймы времени в пробках я отправился в центр города на метро. Оделся сообразно погоде: джинсы, куртка и чуть ли не туристические прорезиненные ботинки. Таким я и предстал перед Годзинским в день нашего знакомства. А надо заметить, что в отличие от меня Андрей Михайлович не чужд известной доли пафоса. Офис его в те времена располагался на Маяковке, в Галс Тауэр (очень красивое, кстати, здание, которое разбудило во мне добрые воспоминания о нью-йоркской архитектуре). После минуты ожидания в приемной, слышу объявление секретаря:

– Андрей Михайлович готов вас принять.

И вот я захожу. На красные итальянские ковры от Версаче с моих черных прорезиненных ботинок стекает то самое, чем обрабатывают московские улицы после обильного снегопада. Краткое представление, крепкое рукопожатие, предложение присесть (кресла тоже от Версаче).

Сажусь, и пока Андрей говорит мне что-то про мою последнюю программу, в которой речь шла о целенаправленном уничтожении Чубайсом крупнейшей в мире энергетической компании РАО «ЕЭС», осматриваю кабинет. А про себя думаю, что тут одной мебели тысяч на двести... и чего я вообще здесь делаю?

Настроение, повторяю, было так себе, и когда подошла моя очередь сказать несколько слов, произнес я следующее:

– Андрей Михайлович, я благодарен вам за предложение встретиться и пообщаться, но прежде чем мы продолжим, я должен сказать вот что. Ребят типа Чубайса и Гайдара, которые разоряют мою страну, а себе выстраивают офисы по миллиону долларов, я терпеть не могу. Вся моя работа, по большому счету, направлена против них. Будем дальше разговаривать?

Сидит Годзинский. Рядом его помощник. В повисшей паузе с моих ботинок на итальянский ковер стекают последние растаявшие комья московской грязи.

И секунд через пять Андрей, с открытой улыбкой хлопнув меня по плечу, говорит:

– Ну нормальный же парень, а!

Эта встреча длилась часа четыре. Я узнал, что Годзинский в свое время больше, чем кто-либо другой, сделал для сохранения РАО «ЕЭС». Именно он противостоял той самой банде младореформаторов (один рекомендованный Немцовым Бревнов чего стоит!), которая еще в середине девяностых хотела, используя цепь финансовых махинаций, распродать то, что в течение нескольких десятилетий строила вся страна. Тогда он не позволил этого сделать. Но теперь, тем не менее, РАО «ЕЭС» больше нет. И случилось это не в жуткие 990-е, а вроде как в стабильные 2000-е. Так вот, во время нашей первой встречи состоялась лишь вводная лекция из курса финансовой науки, который прочел мне Андрей Годзинский. Этих лекций было еще множество, и переоценить их значение для меня невозможно. Хотя смотреть на процесс преподавания со стороны, полагаю, было довольно смешно. Два взрослых мужика, стоя у доски, жестикулируют, кричат друг на друга, ссорятся, ругаются матом, потом садятся перекусить заказанным фаст-фудом – и снова жесткий обмен мнениями и аргументация на повышенных тонах.

Короче говоря, за полтора месяца в мою голову был вложен такой объем качественной информации, который позволял мне уже не согласно кивать в такт объяснялкам специалистов из Высшей школы экономики, а совсем даже наоборот, оспаривать ту либеральную догму, которая превратила мою страну в сырьевой придаток развитых экономик.

Собственно, те лекции, которые были мне прочитаны Гиви Кипиани и Андреем Годзинским, и определили формулировку неудобного вопроса президенту, равно как и сам факт появления этого вопроса.

Теперь пару слов о том, почему после того, что произошло 30 января 2006 года, меня все-таки не уволили. Причин тому может быть три. Поэтому – по порядку.

Первая. Мой вопрос ничего не значил. Цена его была настолько мала, а последствия ничтожны, что нет самого предмета обсуждения. И, в принципе, я был бы склонен так и считать, если бы не те самые рукопожатия лучших представителей экономической науки и политологии нашей страны. Поэтому первая причина, если она и существует, то в несколько измененном виде: все делают вид, что ничего на самом деле не происходило. Как предложил Наимудрейший в блестящем фильме «Волшебная лампа Аладдина», мы все спим и снимся друг другу. Допускаю, что было именно так, поскольку по телевизору в новостных отчетах о пресс-конференции мой вопрос не показывали.

Вторая. На ТВ-Центре только что сменилось руководство, и начинать с репрессий – не самый лучший ход. Но важнее даже не это. Александр Сергеевич Пономарев, несмотря на то что является жестким руководителем, уважает право других людей на собственное мнение. И это его качество снискало ему уважение коллег по цеху.

Ну и третья причина. О ней мне говорить особенно приятно, и сейчас вы поймете почему. Тот самый Годзинский, с которым мы кричали друг на друга, пытаясь втиснуть в мою голову финансовые познания, знаменит еще тем, что сразу после дефолта 98-го года записал цикл интервью – где бы вы думали? – на ОРТ, в которых предпринял первую попытку объяснить людям, как разрезают на куски и продают их страну. Из того цикла, если не ошибаюсь, в эфир вышли всего две передачи (но они таки вышли!), после чего поступило высочайшее распоряжение это безобразие немедленно прекратить. Но помните ли вы, кто подготовил и провел интервью с Годзинским? Андрей Разбаш. Он тоже пытался остановить этот беспредел.

И вот вечером 30 января 2006 года Годзинский, разговаривая по телефону с Разбашом, на несколько минут передал трубку мне. Короче говоря, по ходу разговора я смог сделать вывод, что мой вопрос не остался незамеченным. А уже утром 3 января на столе у Генерального директора ТВ-Центра Александра Пономарева лежала маленькая записка от его

давнего приятеля Андрея Разбаша. В ней было написано: «Меня беспокоит судьба честного журналиста Колосова. Разбаш».

Сегодня честного журналиста Андрея Разбаша уже с нами нет. Это большая потеря.

* * *

Моя еженедельная программа тем не менее была закрыта. Снова возвращаясь памятью к тому времени, констатирую, что причиной тому стало лишь общее ее несоответствие новым реалиям канала. Пришли другие люди. Сорок минут воскресного эфира в районе одиннадцати вечера – довольно дорогое удовольствие. Кроме того, у Колосова ведь есть основная программа. Поэтому с середины марта 2006 года наши прогнозы выходить перестали. И это был лишь первый взрыв на том минном поле, на которое я вышел. Нет, я не имею в виду, что на меня вдруг ополчились власть предержащие, что наступила эпоха тотального контроля и что работать стало совсем невозможно. Глупости. Такие истории выгодно придумывать отдельным журналистам, оказавшимся в силу разных причин невостребованными. Я же продолжал делать то, что шесть лет делал в «25-м часе», и примерно с тем же успехом. Говоря о минном поле, я имею в виду своего рода совокупность событий, которые одно за другим стали со мной происходить.

Может быть, со стороны это смотрится нескромно и даже вызывающе, но я считаю себя человеком нормальным. Моя жизнь была до краев насыщена всем, что, собственно, и составляет жизнь человека. У меня была прекрасная семья, двое самых лучших в мире сыновей, прекрасная работа, красавица и умница жена. А уж о том, что для значительной части наших сограждан является вопросом более важным – квартира, машина, гараж и кое-какие деньги – я вообще не упоминаю. К своим тогдашним 36 я уже успел понять, что наличие или отсутствие материальных благ может определять лишь несчастье, но счастье – никоим образом. Вообще, большая часть жизни обычного, среднего человека, на мой взгляд, проходит в некой средней зоне между счастьем и несчастьем. Это нормальное состояние, человек к нему привыкает, и возможные (а чаще неизбежные) последующие перемены воспринимаются как экстремумы. Так вот тогда я не просто покинул зону счастья, но, стремительно пролетев слой нормальной человеческой жизни, рухнул в несчастье.

Сегодня, спустя три с половиной года, глядя на меня тогдашнего, я не могу понять: смеяться мне над ситуацией или плакать? Одно знаю точно: тогда я был в аду. Без преувеличения. Я почти не спал (примерно 2 часа в сутки) и ничего не ел. При этом довольно много пил, не пьянея. Запах после ночного возлияния иногда не выветривался до начала следующего рабочего дня, что, к сожалению, давало повод коллегам по работе делать обо мне соответствующие выводы. И я прекрасно их понимаю. Сам терпеть не могу пьющих людей. Только, в отличие от меня молодого, сегодня готов признать, что случаются в жизни ситуации, когда даже сильные люди могут упасть. Но сильные и поднимаются.

Кстати, не без гордости могу сказать, что на качестве работы моя тогдашняя слабость никак не сказывалась. Помогали те, с кем все это время мы делали «25-й час»: лучший продюсер Аня Лебедева, лучший комментатор и редактор Сережа Леонов, лучший режиссер Сережа Головунин, лучшие монтажеры Саша Кобозев, Миша Бойко, Андрей Сазонов. После их в высшей степени профессиональной работы единственное, что мне требовалось перед эфиром, – паратройка крепких ударов тыльной стороной ладони по спине. Подобное приведение в чувство на 20 минут с грустью и искренним сопереживанием в глазах дарил мне шеф-редактор программы Никита Иванов. Спасибо им всем.

Но, как и все в этом мире, дурное событие тоже имеет обратную сторону. Я, поскольку времени для сна мне требовалось гораздо меньше, довольно много думал и вгонял весь это

мыслительный процесс в бумагу. Поскольку алкогольные испарения подолгу не покидали мой организм, то передвигался я не на автомобиле, а пользовался исключительно метрополитеном. Там, в ночном вагоне после эфира, я и записывал в блокнот все, о чем думал. За месяц была написана повесть. И знаете, когда я перечитал ее спустя полтора года, мне не было стыдно.

Я, кстати говоря, решился тогда эту повесть показать, и не кому-нибудь, а Михаилу Веллеру. И знаете, что он сказал? Это был телефонный разговор, поэтому для лучшего понимания момента постарайтесь представить, как он это говорил. Голос и интонации Веллера, я думаю, большинству из нас хорошо знакомы:

– Я прочитал вашу повесть.

– И что же вы можете сказать по поводу прочитанного?

– Ну, Илья... Скажите, вы хотите стать писателем?

– Вроде не собирался. Это написано лишь потому, что должно было быть написано. А почему вы спрашиваете? Полное говно, что ли?

– Нет. Я этого не сказал. Вы пишете хорошо, и словом владеете, и чувство можете передать. Просто, если вы хотите стать писателем, вам придется забыть все остальное. И заниматься только писательством. Иначе – пустая трата времени.

Я не чувствую в себе сил и желания становиться писателем. На примере того же Веллера я убеждаюсь в том, что делу нужно отдаваться полностью. Только тогда может что-то получиться. Но полностью я отдаюсь только своей нынешней работе.

А знакомство с Михаилом Иосифовичем достойно отдельного описания. Принцип сработал все тот же – телефонный звонок от зрителя, только зритель уж больно интересный. Осень 2005 года. В ньюз-рум² входит Никита (шеф-редактор) и говорит:

– Илюш, тебе какой-то мужчина на телефон «25-го часа» звонил. Голос уж очень на Веллера похож.

– А кто такой Веллер?

– ?! Ты не знаешь, кто такой Веллер?!

– Никит, я понимаю, как упал в твоих глазах, но не знаю. Просвети.

– Это один из лучших, если не лучший современный российский писатель. Ты ничего не читал?

– Нет.

И тут звенит телефон уже у меня на столе. Поднимаю трубку.

– Здравствуйте. Это Илья?

– Да. Здравствуйте.

– Меня зовут Михаил Веллер...

С тех пор мы встречались много раз и всегда сожалели о том, что не встречаемся чаще. Я прочел почти всего Веллера и готов признать, что он – один из лучших современных российских писателей. Что касается короткой прозы, то тут равных ему просто нет. Я Михал Есичу уже говорил, и повторю здесь: «Чуча-муча, пегий ослик» – гениальный рассказ. Веллер звездочку с неба сорвал.

При каждой новой встрече Михаил Иосифович настаивает на том, чтобы я называл его просто Михаил, но у меня не получается. Один раз проходит, а дальше – нет...

² Ньюз-рум – помещение, в котором редакторы готовят новости к эфиру.

Иран

То самое телефонное резюме по поводу моих писательских потуг я выслушивал от Михаила Иосифовича, находясь во втором терминале аэропорта «Шереметьево» и ожидая посадки на рейс Москва – Тегеран. За пару недель до этого позвонил Раджаб Сафаров – специалист номер один по этой стране – и предложил слетать в Иран, снять пару сюжетов. Мне тогда было, честно говоря, все равно куда лететь – лишь бы подальше от реальности. И я немедленно согласился. Замечу сразу, что парой сюжетов эта поездка не ограничилась.

Тогда как раз накатила очередная волна конфронтации между Ираном и США. Настолько, что наблюдатели всерьез обсуждали возможность бомбардировок. То Буш, то Ахмадинежад выступали с почти воинственной риторикой, и актуальность иранской темы в особых пояснениях не нуждалась. Короче говоря, прилетаем в Тегеран. Глубокая ночь, часа два, если не ошибаюсь. Раджаб Саттарович сделал так, что нас встретили по высшему разряду: ВИП-зал, мягкие диваны, чайкофе, печенюшки всякие. Расположились в ожидании. Дело в том, что визу для туристов там ставят прямо в аэропорту, и по этой гостевой визе можешь гулять по стране чуть ли не месяц. Вот мы и ждем, пока проштампуют. Но что-то очень долго ждем. Оказалось, что у нашего сопровождающего чистые страницы в паспорте закончились. Казалось бы – ерунда, но паспортный контроль в любой стране, даже для ВИПов – это гильотина. Договориться почти невозможно. Нависла реальная перспектива лететь ему обратно. А что мы, спрашивается, без переводчика и без контактов тут делать будем? Пьем чай, закусываем печеньем.

Два с лишним часа у Раджаба ушло на то, чтобы поднять с постели чуть ли не самого иранского посла в Москве, который выступил перед пограничниками с личным поручительством. Короче, штампанули ему прилет на свободный уголок в паспорте – и здравствуй, Тегеран!

Мигающий красный

Половина пятого утра. Садимся в «саманд» – местная версия «пежо». Едем. Город кажется бесконечным, даже когда пробок нет. Обращаю внимание на прекрасную дорожную разметку, на грамотно расставленные светофоры. Но светофоры эти все, как один, мигали красным. Наверное, ночной режим включили...

Это мое предположение обнаружило свою несостоятельность уже днем, когда мы отправились на первую съемку. Светофоры – один, второй, третий, десятый – продолжали исправно мигать красным, несмотря на жуткое количество автомобилей на улицах. Интересно у Раджаба. Оказывается, несколько лет назад Иран, столкнувшись с проблемой возросшего количества автомобилей на улицах, обратился к японцам с просьбой организовать образцовое дорожное движение в Тегеране. Какие вопросы?! Японцы с присущей им исполнительностью тщательнейшим образом изучили план города, активность движения в зависимости от времени суток, пропускную способность улиц и магистралей и перспективы увеличения автопарка. За короткое время была подготовлена и реализована программа действий, которая не то что Тегерану, но и Москве не снилась. Новые дороги, новая разметка, новые светофоры – катайся и получай удовольствие. И в Японии так бы и было.

Но Иран – не Япония. В Тегеране большинство водителей, удивленно и даже одобряюще посмотрев вокруг, продолжали ездить так, как привыкли. То есть как придется, по понятиям. Проехать стало совершенно невозможно, поскольку одни подчиняются сигналам светофора и дорожным знакам, а другие – как Аллах на душу положит. Да ладно бы только проблема с пробками – аварий после правильной организации движения стало не меньше, а больше! Короче говоря, отчаявшись навести порядок и предпочитая не плыть больше про-

тив народного течения, власти решили переключить светофоры в режим мигающего красного. Выиграли от этого все, кроме пешеходов. Подтверждаю: перейти улицу – развлечение из разряда экстремальных. Машин огромное количество, едут быстро, а их техническое состояние порождает известные сомнения в том, что при случае они сумеют вовремя затормозить. Поэтому способ перебраться на другую сторону только один. Сделать вид, что ты не видишь приближающихся автомобилей и смело идти вперед! Опасно? Очень опасно. Но только в этом случае водитель сбросит скорость. Если же выдашь себя и он поймет, что ты его заметил, – готовься к тому, что машина поедет быстрее. Тогда беги что есть духу, пока не задавили...

Выслушав эту историю от Раджаба, я задумался: но что такое мигающий красный? У нас тоже по ночам включают мигающий режим, но желтый. И с ним мне все понятно – режим предупреждения. А с красным-то что? Ехать можно или нельзя?!

Я попросил Раджаба поинтересоваться у нашего водителя. И вот что он ответил:

– Красный? Что значит мигающий красный? Ну как тебе сказать... Наверно, это значит, что проехать ты все-таки можешь, но при этом никто ни за что не отвечает.

Телекомпания ТВЦ представляет Фильм Ильи Колосова

СИНХРОНЫ³ ПРОХОЖИХ НА УЛИЦАХ ТЕГЕРАНА:

– У вас есть ощущение опасности, вы переживаете по поводу развития отношений с Америкой?

– Некоторое опасение есть.

– Вам спокойно спится?

– Честно говоря, нет. Неизвестно, к чему все это приведет. Допускаю самое худшее.

– Как это противостояние может разрешиться?

– Мы стали членом МАГАТЭ, и нам были даны некие права. Однако теперь их у нас забирают. Разумеется, нас не может не настораживать вся эта ситуация. Но я оптимист, и верю, что ситуация благополучно разрешится. Хотя, знаю, что многие, особенно молодежь, переживают и даже боятся.

«Противостояние. Взгляд из Ирана»

Джордж Буш, президент США. Ежегодное обращение к Конгрессу:

– Сегодня Иран остается главным в мире спонсором террора, стремится к обладанию ядерным оружием и лишает свой народ свободы, которую он заслуживает. Мы работаем с европейскими союзниками, чтобы ясно дать понять иранскому режиму, что он должен отказаться от своей программы обогащения урана и любой переработки плутония, а также от своей поддержки террора.

Махмуд Ахмадинежад, президент Исламской республики Иран. Выступление на площади Азади:

– Мы не хотим ничего, что выходило бы за рамки Договора о нераспространении ядерного оружия. Но мы не отступим ни на йоту от того, что записано в этом соглашении. Наш

³ Тут требуется первое пояснение. Значение слова «синхрон». Для телевизионщиков это вовсе не одновременное исполнение какого-нибудь упражнения. Синхрон – это фрагмент прямой речи выступающего. Такое название возникло из-за того, что звук и изображение в телевизионной технике идут разными путями. Можно взять только звук или только изображение. Можно взять и то и другое, но с некоторой задержкой – тогда это будет называться «рассинхрон» и считаться браком в работе монтажера. А вот если звук и экранная артикуляция выступающего совпадают – тогда мы имеем дело с «синхроном».

ответ тем, кто разгневан фактом наличия полного ядерного цикла в Иране во фразе: злитесь и умрите от этой злости.

Ведущий:

История современного противостояния Ирана и того, что мы привыкли называть Западом, длится с начала прошлого века, когда в Иране были найдены запасы нефти. Некий англичанин д'Арсси сумел склонить персидского шаха к составлению крайне выгодного для него и для Англии договора:

«Принимая во внимание теснейшую дружбу, которая связывает Персию и Великобританию, и особые заслуги инженера д'Арсси, ему и всем его сотрудникам, потомкам, друзьям и наследникам предоставляется на срок 60 лет неограниченное право производить по собственному выбору геологическую разведку и разработку по всей территории Персии. Причем все обнаруженные им ископаемые будут составлять его полную собственность».

Ведущий:

На основе этого документа позже было подписано концессионное соглашение, согласно которому Англия, в лице англо-персидской нефтяной компании, а в наши дни это «Бритиш петролеум», получила право добывать нефть в Иране на таких условиях, что сумма налогов, выплаченная компанией английскому правительству, в три раза превышала сумму ее отчислений Ирану!

В 40—50-х годах американцы, постепенно вытесняя Англию из сфер ее интересов на Ближнем и Среднем Востоке, овладели ключевыми экономическими и политическими позициями в Иране. В 95 году местным правительством была предпринята попытка национализировать Англо-иранскую нефтяную компанию, но совместными усилиями США и Англии была организована операция, в результате которой в августе 953 г. это правительство во главе с Мосаддиком было свергнуто.

Раджаб Сафаров, директор Центра изучения современного Ирана.

– До исламской революции масштабы американо-иранского сотрудничества были поистине впечатляющими. Например, по соглашению 976 г. США обязались продать Ирану на 34 млрд. долларов самых современных вооружений и других американских товаров. Иран же должен был в обмен поставить в США только сырую нефть на сумму около 4 млрд. долларов и, надо полагать, далеко не по рыночной цене. К этому же периоду относится и начало ядерной главы в американо-иранских отношениях. Америка заключила соглашение о поставке Ирану 6–8 ядерных реакторов общей стоимостью около 10 млрд. долл., а к 990 г. планировалось построить 23 АЭС. И обратите внимание – это тогда никого не беспокоило!

Ведущий:

Вашингтон стал оказывать решающее влияние на иранского шаха вплоть до его устранения от власти революцией в 979 году, когда иранские недра были национализированы, а дипломатические отношения с США прерваны. С тех пор американская политика по отношению к Ирану резко изменилась.

Цитата из газеты «Вашингтон пост»:

«Стратегия США в области национальной безопасности» подтверждает готовность Америки вести превентивную войну против террористов и враждебных по отношению к США государств, обладающих ядерным, биологическим и химическим оружием. Возможно, нам не грозит такая большая опасность ни от одной другой страны, как от Ирана.

Иранский режим спонсирует терроризм, угрожает Израилю, пытается подорвать мир на Ближнем Востоке и демократию в Ираке».

Махмуд Ваязи, заместитель главы Центра стратегических исследований Ирана

– После распада Советского Союза Америка стремится создать абсолютную однополярность в мире и стать единоличным правителем. Иран не согласен с этой политикой, особенно с политикой Америки на Ближнем Востоке. Поэтому Америка оказывает давление на Иран, используя всевозможные поводы, в частности нашу ядерную программу. Потенциал и возможности Ближнего Востока и Персидского залива для всех очевидны. Наряду с этим Азия интересует Америку по причине экономического подъема. Чем больше развивается промышленность в мире, тем более важной становится энергия. А энергоресурсы находятся в Персидском заливе, и Америка хочет ими завладеть. Все это различные причины того, что Америка не хочет, чтобы у Ирана была самостоятельная и независимая политика.

Ведущий:

Тут нужно внести ясность в вопрос о сырьевой и стратегической значимости Ирана. Посмотрите на карту. Эта страна находится в непосредственной близости от самых динамично развивающихся экономик мира – от Китая и от Индии. И той и другой стране для развития необходимы энергоресурсы, которые как раз есть у Ирана. Дестабилизация ситуации вокруг Ирана может привести к консервации значительных объемов иранских энергоносителей в то время, когда мир подходит к пику нефтедобычи, а цены на сырую нефть достигли исторических максимумов.

В этой ситуации возможный уход Ирана с международного рынка приведет к тому, что и каспийская нефть потеряет шансы попасть на азиатский рынок транзитом через эту страну. Связанное с этим усиление зависимости всех стран Азии от импорта нефти из Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов, находящихся в опасной близости от ирако-иранской зоны, увеличивает риски для их экономического развития.

Еще более значимыми могут оказаться последствия новой ситуации в Иране для мирового рынка природного газа. Европа и азиатские страны осознали важность иранского газа. Для Европы, которая хотела бы ослабить свою энергетическую зависимость от России, иранский газ – это возможность диверсификации импорта энергоносителей. Для Японии, Китая, Индии через Иран проходит наиболее экономичный маршрут транспортировки природного газа.

По запасам разведанной нефти Иран – второй после Саудовской Аравии в системе ОПЕК, а по запасам природного газа – второй в мире после России. Причем и то и другое, в отличие от России – национализировано. Ну, разве не повод обратить внимание на состояние демократии в этой стране?

Джордж Буш, президент США:

– Я убежден, что иранский народ должен иметь возможность свободно выражать свои мнения, читать свободную прессу, голосовать на свободных выборах и вступать в политические партии по собственному усмотрению. Я считаю, что Иран должен стать демократическим государством.

Мнение прохожего в тегеранском парке:

– Мы идем своей дорогой, поступаем в соответствии с логикой и с помощью Аллаха рано или поздно получим необходимые знания и технологии мирного атома. Наше правительство – это слуги народа, а слуги народа – это слуги Аллаха. Мы сильны как никогда, потому что совершенно уверены в своей правоте.

Ведущий:

В самом деле, что касается избирательных традиций в западном их понимании, то тут ситуация серьезно отличается от того, что мы видим в той же Америке, например. В принципе тут те же три ветви власти – законодательная (меджлис), исполнительная (президент) и судебная. Но все они, по конституции, подконтрольны духовному лидеру – имаму Хаменеи. Религия и идеология – вот рычаги управления иранским обществом.

Харизматический иранский президент не так давно посетил конференцию с говорящим названием «Мир без сионизма». И, в общем, выступление Ахмадинежада немногим отличалось от образцов эпохи иранской исламской революции 979 года, в которой, кстати, участвовал и он сам. Тогда легендарный аятолла Хомейни клеймил на многотысячных митингах «мирового сатану», представленного Израилем и США, а толпы его сторонников сжигали флаги этих двух государств.

Стенд-ап⁴:

Плакатная жизнь Тегерана не сказать, что разнообразна, но весьма насыщена. Главным образом, на стенах зданий рисуют изображения местных духовных лидеров или как вот на этом плакате – сына имама Хаменеи⁵. Но случаются и другие варианты. Обратите внимание на здание по соседству: там написано – Долой США и Израиль. Суть плаката – единение иранцев с палестинским народом в его борьбе за независимость. В этой связи становятся более понятными последние резкие высказывания Ахмадинежада в адрес Израиля. Скорее всего, они предназначены для внутреннего пользования.

Ведущий:

Но неужели все иранское общество столь однородно? Неужели в стране нет оппозиции, которая представляет иную точку зрения, иной подход к формированию отношений с так называемым международным сообществом?

Мехди Санаи, профессор Тегеранского университета

– То, что вы говорите, многие и в Иране тоже говорят. В Иране тоже считают, что более мягко на международной арене нужно выражать свои позиции. Если посмотрите и прочтаете несколько газет, которые выходят каждое утро и вечер, то сможете найти там точки зрения, которые прямо противоположны официальной позиции Ирана. Она жестко критикуется.

Ведущий:

Вполне возможно. И все-таки по силе воздействия и, главное, по степени восприятия информации иранцами оппозиционную прессу и главный идеологический рупор можно сравнить с нашими периодическими изданиями, например, и с Первым каналом телевидения. Не говоря уже о нынешней мощи иранского Гостелерадио, сейчас всю идет строи-

⁴ Второе чисто телевизионное пояснение. Стенд-ап – это работа корреспондента в кадре. В принципе без этого не должен обходиться ни один репортаж, но некоторым журналистам или лень привести себя перед съемкой в порядок, или, что еще печальнее, просто нечего сказать.

⁵ Али Хосейни Хаменеи. Высший руководитель Исламской Республики Иран. Из-за схожести фамилий его часто путают с предшественником и политическим наставником Рухоллой Мусави Хомейни. В свое время радикальные взгляды Хомейни оказали сильное влияние на Али, и он начал активную антишахскую деятельность. С 963 по 975 г. Хаменеи пять раз попадал в тюрьму. После победы Исламской революции в 979 г. Хаменеи был назначен руководителем пятничной молитвы (что-то вроде еженедельной национальной политинформации). С 98 по 989 г. – президент Ирана. С 989 г., сразу после смерти основателя ИРИ великого аятоллы Хомейни, был избран Советом экспертов на пост Высшего руководителя Ирана.

тельство тегеранской телебашни. Сроки окончания строительства этого грандиозного сооружения может видеть каждый проезжающий мимо.

Наш собеседник – господин Шариатмадари, главный редактор газеты «Кейхан», что в переводе означает «космос, вселенная». Газету уместно сравнить с «Правдой» времен начала восьмидесятых годов. Этот человек еженедельно удостоивается чести беседовать с духовным лидером Ирана за чашкой чая и обсуждать вопросы государственной важности.

Мохаммад Шариатмадари, главный редактор газеты «Кейхан»:

– Наше противостояние с Америкой берет свое начало из наших разных сущностных начал и принципов. То есть Америка зиждется на жестоких и несправедливых основах. Ислам же основывается на справедливости и борьбе с тиранией. До тех пор пока мы будем основываться на исламе, а Америка будет упорствовать в своей несправедливости и тирании, это противостояние будет сохраняться. Только в одном случае оно может закончиться: или мы должны отказаться от ислама, или же Америка должна отказаться от своей несправедливой и захватнической политики.

– То есть противостояние будет продолжаться до тех пор, пока Иран не откажется от ислама, что невозможно, или пока Америка не откажется от своей агрессивной политики, что тоже невозможно. Где же выход?

– Я думаю, что наше противостояние будет продолжаться точно так же, как оно длится уже более 27 лет. Не думаю, что наступит день, в котором мы не будем противостоять друг другу. Возможно, наступит день, когда обе стороны договорятся не трогать друг друга. Но, во всяком случае, ясно одно: мы не можем найти общий язык. Мы слишком разные, у нас разные отношения к человеческим ценностям, к вопросам бытия, морали, истине и справедливости.

Прохожий в парке:

– Я лично не переживаю. Американцы хотят поработить нас, но мы не сдадимся, и у них ничего не получится. Нынешняя Америка – не та, что раньше была. Она уже ослабла и демонстрирует последние признаки своего бывшего величия. Американцы говорят: вы должны делать так, как мы скажем. Но мы же не можем с этим согласиться. Будет ли война? Нет, не будет.

Ведущий в кадре:

Как сказал наш оператор, снимать в Иране можно везде, но только пять минут. Потом возникают проблемы. Подошел человек в штатском и сказал, что снимать здесь больше нельзя. Поэтому на данный момент съемки прекращаем.

Ведущий:

Меняем место съемки и продолжаем опрос.

Прохожий на улице:

– Я лично не думаю, что будет война, поскольку наша страна – это не Ирак. Американцы не смогут позволить себе напасть на Иран. Единственная опасность – введение санкций. Цены могут повыситься, и это нас беспокоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.